

КИТАЙ И РОССИЯ

*Р.Ю. Почекаев**

Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией¹

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются административные преобразования в Илийском крае (Кульдже) в период его нахождения в составе Российской империи. Автор анализирует преобразования в контексте правовой политики России в Центральной Азии и приходит к выводу, что административное развитие края происходило в соответствии с общими тенденциями на восточных «национальных окраинах» империи — в виде постепенной интеграции в имперское политико-правовое пространство (процесс фронтальной модернизации), при этом не вступая в острое противоречие ни с традициями местного самоуправления, ни с принципами управления, которые прежде применяли в Илийском крае власти империи Цин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Цин, Кульджа, Илийский кризис, Туркестан, Синьцзян, фронтальная модернизация, традиционное право.

В июне 1871 г. Илийский край с центром в Кульдже, к этому времени уже более столетия находившийся в составе империи Цин, попал на десятилетие под власть Российской империи. Различные аспекты истории региона в этот период, получивший в историографии

* Почекаев Роман Юлианович, кафедра теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: ropot@mail.ru

© Почекаев Р.Ю., 2016

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322.

название «Илийский кризис» (1871–1881), неоднократно исследовались специалистами². Уделялось внимание и вопросам российских политических, административных, экономических преобразований в крае (см., в частности: [23; 25]). Однако, насколько нам известно, не предпринималось попыток рассмотреть эти действия российских властей в контексте правовой политики Российской империи в Центральной Азии в целом. В настоящем исследовании предпринимается попытка выявить, в какой степени российским властям удалось сочетать в Илийском крае мероприятия по интеграции вновь присоединённых территорий в политико-правовое пространство Российской империи (т.е. начать процесс фронтальной модернизации³ региона) с сохранением региональных политических традиций и, вместе с тем, не вызвать ещё большей напряжённости в отношениях с империей Цин.

Сразу стоит отметить, что особые традиции административного устройства в Илийском крае (как, впрочем, и во всём регионе, известном под названием Восточный Туркестан или Синьцзян) начали складываться ещё в раннем Средневековье. Как минимум с X–XI вв. в регионе получило закрепление деление на родовые (среди кочевого населения) или территориальные (среди оседлого населения) административные единицы с весьма значительной степенью самоуправления, причём в разное время главы соответствующих единиц или фактически, или совсем номинально признавали власть верховных правителей (см., напр.: [26, с. 53]). Эта ситуация, возникшая в эпоху уйгурского господства, в дальнейшем сохранялась и в эпоху Монгольской империи, и в период нахождения региона в составе Чагатайского улуса, правители которого довольствовались признанием своей власти со стороны населения региона и уплатой налогов, не претендуя на вмешательство в вопросы местного самоуправления.

По-видимому, окончательно система самоуправления городов-полисов Восточного Туркестана сложилась в период существования Кашгарского (Могульского) ханства, представители правящего рода которого разделили между собой города Восточного Туркестана, закрепив их за своим потомством, и порой даже формально отказыва-

² Новейший подробный обзор литературы по данной проблематике см.: [10].

³ Под фронтальной модернизацией понимается процесс повышения уровня развития пограничного региона государства с целью сблизить его по показателям с наиболее развитыми регионами. Теоретические аспекты этого процесса подробно охарактеризованы в работах И.В. Побережникова [18; 19].

лись признавать власть верховных правителей-ханов⁴. Не изменилась эта ситуация даже после того, как династию потомков Чингис-хана сменили в конце XVII в. новые правители — Белогорские и Черногорские ходжи. Несмотря на свои попытки установить в Восточном Туркестане теократическую монархию, они не смогли трансформировать систему местного управления и самоуправления, в результате, подобно своим предшественникам, разделив власть над основными областями региона между членами династии (см. подробнее: [4, с. 138–141]).

В первой половине XVIII в. Восточный Туркестан стал сферой интересов империи Цин. Любопытно, что вплоть до завоевания региона на рубеже 1750–1760-х гг. китайские власти не слишком чётко представляли себе особенности местного административного устройства. Поскольку прежде они взаимодействовали (в формате как дипломатических переговоров, так и прямого военного противостояния) преимущественно с кочевыми народами, также старавшимися взять под контроль Восточный Туркестан, — джунгарами и казахами, — то предполагали, что и сам регион является преимущественно кочевым. В связи с этим на начальном этапе установления своей власти в Синьцзяне цинские сановники намеревались установить здесь систему управления, аналогичную монгольской — по принципу «Восьми знамён» (см., напр.: [29, р. 73–74]). Однако очень скоро, к своему удивлению, они обнаружили, что значительная часть населения региона является оседлой и имеет давние и прочные традиции самоуправления, в корне отличающиеся от кочевых. В результате цинские власти сочли целесообразным сохранить местную систему самоуправления, постаравшись лишь превратить родоплеменных предводителей и руководителей территориальных единиц (беков) в низовое звено имперской чиновной иерархии [32, р. 90]. В частности, на территории Илийского края, оказавшего достаточно упорное сопротивление цинским властям в конце 1750-х гг., было образовано генерал-губернаторство во главе с маньчжурским *цзяньцзюнем*, которому был придан и китайский гарнизон. Впрочем, несмотря на довольно крупный штат китайских чиновников (более 450 чел.), он осуществлял только общий военный и административный контроль над территорией и обеспечивал лояльность местного населения империи Цин (см., напр.: [27, с. 20–21]). Вместе с тем, уже в 1760 г. новые власти утвердили в качестве градоначальников (хаким-беков) и руководителей мелких административных единиц края (беков) выходцев из местного населения, которые были вызваны к императору и

⁴ Этот период подробно описан в позднесредневековых туркестанских исторических хрониках [24; 28].

официально включены им в состав чиновного аппарата империи: им были пожалованы форменные головные уборы и одежда, а также выданы соответствующие документы [12, № 32–33, с. 117–118].

Во время мощного антицинского восстания в Восточном Туркестане 1864–1878 гг. Илийский край стал одним из его центров, и на его территории был провозглашён Илийский (иначе — Кульджинский или Таранчинский) султанат во главе с местными уроженцами Мазамзат-беком, Муллою Шавкат-ахунум и, наконец, Алиханом-торе Абиль-оглы, происходившим из таранчей. Естественно, сбросив власть империи Цин, они не стали изменять административное устройство своего вновь созданного султаната, тем более что сохранение традиций местного самоуправления являлось одним из символов национальной самобытности нового государства. Успешное противостояние Алихана-торе китайским властям, довольно независимые (хотя и дружественные) отношения с кашгарским правителем Якуб-беком, а также агрессивная позиция в отношении пограничных регионов Российской империи свидетельствуют о поддержке султана главами местных администраций (беками и ахунами) и населением в целом и также дают основание считать, что он выступал как ревнитель сохранения политических и правовых традиций региона (см. также: [14, с. 93]).

Как известно, именно последнее обстоятельство, т.е. постоянные проявления враждебности со стороны илийского султана по отношению к России, а также вероятность захвата султаната Якуб-беком послужили причиной вторжения в него российских войск из Туркестанского края. При этом важно отметить, что, несмотря на то, что разговоры о занятии Кульджи велись уже во второй половине 1860-х гг. (см.: [15, с. 98–99]) и что на целесообразности этого шага настаивал военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, собственно и возглавивший вторжение российских войск в Илийский край и занявший Кульджу 12 июня 1871 г. [25, с. 171; см. также: 30, р. 31], последнее слово оставалось за туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. Он счёл необходимым лично побывать в Илийском крае и оценить ситуацию, в результате чего в сентябре 1871 г. принял решение установить контроль над Кульджой, «ожидать китайцев и ведать ею до их прихода» (цит. по: [7, с. 434]). Таким образом, сам Кауфман изначально подчёркивал временный характер власти Российской империи над Илийским краем и продолжал придерживаться этого мнения и в последующие годы⁵.

⁵ Так, когда рассматривался вопрос о сохранении за Россией части Илийского края по возвращении Китаю основной его территории, К.П. фон Кауф-

Тем не менее, приняв решение об оккупации края, он немедленно инициировал преобразование системы управления в регионе. Илийский край был преобразован в Кульджинский район в составе Семиреченской области (в исследовательской литературе также именовался Илийским округом), причём под руководством непосредственно семиреченского военного губернатора, в аппарате которого появилась специальная канцелярия по кульджинским делам. Территория края была разделена на 4 участка во главе с начальниками из числа офицеров российской армии, осуществлявшими общий административный контроль и судебные разбирательства по делам между местными жителями и русскими подданными [17, с. 2–4]. Однако местное самоуправление было сохранено и, как отмечал сам К.П. фон Кауфман, «сообразно с временным характером занятия края». В частности, у оседлых жителей (таранчей, китайцев и дунган) сохранялись должности старшин и судей кентов (мелких поселений) и городов, которые выбирались местным населением и затем утверждались российской администрацией. Представители же казахского населения Илийского края должны были управляться волостными управителями — биями, которые также избирались местным населением. Правоохранительные функции среди оседлого населения выполняли юзбаши (сотенные), а среди кочевников — «зянг». Они действовали на основании местных правовых обычаев и только в случаях, не предусмотренных обычным правом, обращались к российскому законодательству [20, с. 71–72].

Достаточно радикальным нововведением для некоторых групп населения Илийского края стало введение российской администрацией налогов и сборов в денежной форме. Один из местных жителей так описывал это в своих воспоминаниях: «Потом в 10-й луне уездный („уяс“) начальник произвёл перепись всех сибинцев. А так как сибинцы исстари не несли денежных повинностей, то они без утайки написали число своих людей и сообщили (русскому начальству). Вслед за тем русские обложили каждого сибинца, большого и малого, податью в 2 монеты серебром (40 копеек). Все сибинцы весьма испугались, потому что они, будучи, подобно не имеющим хозяев собакам, притесняемы таранчами, дошли до крайней степени бедности... После прихода русских в Или, в течение нескольких месяцев, русские деньги ещё не распространились повсюду; откуда же поэтому сибинцы могли достать русское серебро?... Когда сибинские чиновники, собирая с бедных сибинцев подать серебром, стали их

ман выступил против такого решения, предложив заменить территории денежной компенсацией со стороны Китая (см.: [8, с. 70–71], см. также: [16, с. 206]).

сильно прижимать, то было много случаев, когда сибинцы, бросив своих жён и детей, бежали из своих домов. Да и все вообще сибинцы в то время находились в затруднительном положении из-за платежа подати... Но потом сибинцы мало-помалу оправились и (более) не тяготились внесением подати. Солоны в течение 3-х лет со времени прихода русских в Или не были обложены податью» [9, с. 280–281] (см. также: [33, р. 174–175]). В дальнейшем подать с населения (кибиточная с кочевого или посемейная с оседлого) составляла от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. с различных категорий населения, кроме того, 20% от неё составлял и так называемый земский сбор. При этом власти учитывали, что и в период китайского господства существовала «разнородность в назначении податей», о чём свидетельствовали налоговые ведомости — окладные листы [17, с. 35–37].

Таким образом, российские власти в своей административно-правовой политике, по крайней мере в отношении оседлого населения Илийского края, выступили в известной степени продолжателями административной политики империи Цин. С одной стороны, это можно трактовать как стремление продемонстрировать Китаю, что власть России в регионе имела исключительно временный характер. Именно так уже вскоре после оккупации Кульджи расценивали это и представители китайских властей в Илийском крае — например, согласно докладной записке чиновника Лю Цунь-ханя пекинским властям, «иностранные владеньице (имеется в виду Россия. — *Р.П.*) спасло народ от огня и воды; утвердило все четыре страны без малейшего вреда, так что дети не пугаются, а народ не без радости и восторга покорился» [5, с. 191], т.е. представитель цинской администрации даже не допускает мысли о том, что Россия отторгла часть китайских владений.

С другой стороны, не следует рассматривать созданный российскими властями порядок управления и самоуправления в Илийском крае (Кульджинском районе) как нечто совершенно особенное и не имеющее аналогов. Напротив, проводимые имперской пограничной администрацией меры полностью укладывались в общую концепцию правового развития российских владений в Центральной Азии.

Присоединение Илийского края к Российской империи состоялось вскоре после двух значимых событий — образования Туркестанского края и реформы в «степных областях», т.е. на территории Казахстана. Эти преобразования нашли закрепления, соответственно, в «Проекте Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» от 11 июля 1867 г. [13, № 117, с. 282–316] и «Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г.

[13, № 120, с. 323–340]. Собственно, первый из этих документов (с учётом последующих его изменений) стал правовой основой и для административной политики в Илийском крае. В результате практически все административно-правовые институты, сформированные во вновь созданном Кульджинском районе, прежде находили применение на территории Туркестанского края — как в оседлых, так и в кочевых областях.

Так, разделение уездов Семиреченской области (к которым по статусу был приравнен Кульджинский район, также включённый в состав этой области) на участки во главе с русскими офицерами практиковалось с 1868 г. (см.: [20, с. 86]), т.е. нововведением, сделанным в связи с присоединением Кульджи, это не стало. §§ 80 и 84 «Проекта положения...» предусматривали распределение кочевников по волостям с выборными волостными начальниками во главе, тогда как, согласно § 116, в оседлых селениях главами самоуправления с административными и судебными полномочиями являлись избираемые аксакалы, которые в Илийском крае всего лишь назывались старшинами. Судьи в Илийском крае приравнивались к казиям, статус которых в Туркестане регламентировался §§ 214–220 «Проекта положения...». Аналогичным образом сотенные-юзбаши и «зынг» приравнивались по статусу к пятидесятникам в Семиреченской и Сырдарьинской областях (см.: [20, с. 72]). Ещё больше свидетельствуют о соотношении российской политики в Илийском крае с её политикой в остальных центрально-азиатских владениях прямые отсылки для кульджинских властей к нормам «Проекта положения...» по вопросам подсудности: местным судам были подведомственны все дела, кроме предусмотренных §§ 130–131 «Проекта положения» (об измене, сопротивлении властям, разбоях, грабежах, побегах за границу, фальшивомонетничестве и пр.), а также об убийствах — такие дела разбирались по уголовным законам Российской империи представителями имперской администрации (см.: [17, с. 8]).

Взимаемые властями Илийского края налоги — посемейный и кибиточный — также регламентировались законодательством Туркестанского края. Кибиточный сбор с кочевников предусматривался § 255 «Проекта положения...», а посемейный сбор, по сути, являлся аналогом фиксированного земельного сбора, именовавшегося в первоначальном проекте «Проекта положения...» танапным сбором (§ 282)⁶.

⁶ В отличие от другого земельного налога — хараджа, составлявшего определённый процент от доли урожая.

Итак, как видим, российские власти в Илийском крае проводили административные преобразования вполне в русле своей правовой политики на территории центрально-азиатских владений. Эта политика стала результатом многолетнего опыта административной деятельности в других азиатских владениях — сначала на Кавказе, затем в Казахстане и, наконец, в Туркестанском крае. Но и тот факт, что многие действия российской администрации были схожи с деятельностью цинских властей в Илийском крае — в частности, механизм трансформации местных родоплеменных предводителей-беков в представителей низового звена имперской администрации [32, р. 90], — несомненно, не является случайным совпадением. Вероятно, именно подобный подход (сохранение традиций местного самоуправления при осуществлении общего административного и судебного контроля представителями имперских властей) являлся единственно возможным на «национальных окраинах» любой империи — несмотря на то, что Россия и Китай, естественно, имели значительные расхождения в системе организации власти и управления.

Сохранение российской имперской администрацией местных традиций управления, таким образом, наводит на мысль, что русские власти своей политикой в Илийском крае бросали вызов не столько Китаю, сколько кашгарскому владетелю Якуб-беку, вынашивавшему грандиозные планы по созданию в Центральной Азии мощного мусульманского государства, да ещё и явно стремившемуся к союзу с Великобританией — главным соперником России в Центральной Азии (см., напр.: [30, р. 29–30]. Исследователи отмечают, что Якуб-бек фактически внёс очень мало изменений в прежнюю систему управления в Восточном Туркестане по сравнению с тем, что было здесь при Цинах [11, с. 20–21]. Тем не менее, его действия (передача фактической власти в присоединённых областях своим сыновьям, другим родственникам и приближённым) (см., напр.: [6, с. 101; 31, р. 102–108]), по всей видимости, вызвали обеспокоенность кульджинских властей, углядевших в централизаторской политике правителя Йеттишара покушение на их традиционные полномочия. В этом контексте действия российских властей вызывали куда менее негативную реакцию со стороны властной элиты Илийского края.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что российские власти, проводя административные преобразования по образу и подобию Туркестанского края и Казахстана, где проживали народы, близкие по происхождению к жителям Кульджинского района, делали ставку на то, что более выгодное политическое, социальное и экономическое положение населения этих регионов послужит примером и будет способствовать формированию прорусских настроений в

Илийском крае — даже после планируемой передачи его Китаю. В самом деле, как известно, Петербургский договор 1881 г. о передаче Илийского края Цинской империи предусмотрел, что часть территории края остается в составе России, а представители как оседлого, так и кочевого населения могут сохранить (или принять) российское подданство — как переселившись на российские территории, так и оставаясь проживать на территории Китая (ст. I–VII) [21, № 17, с. 54–56]. И в самом деле, после восстановления контроля империи Цин над Илийским краем многие жители сочли целесообразным принять российское подданство (см., напр.: [1, с. 86–87; 2, с. 211–212; 3; 22, с. 243–244; 23, с. 22–23]).

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности административного развития Илийского края в период нахождения его под властью Российской империи объяснялись различными факторами. Во-первых, имперская администрация демонстрировала, что уважает и сохраняет местные традиции самоуправления, тем самым обеспечивая лояльность населения вновь присоединённого края. Во-вторых, отсутствие радикальных преобразований в крае должно было убедить власти империи Цин в том, что Россия не претендует на сохранение региона под своей властью в течение длительного времени. Но вместе с тем, в-третьих, аналогичная политика реализовывалась российскими пограничными властями и в других пограничных регионах Центральной Азии — в частности, в Казахстане и Русском Туркестане и, следовательно, говорить о какой-то совершенно уникальной ситуации административного управления в Илийском крае не приходится. Таким образом, имперские пограничные власти, действуя в соответствии как со спецификой региона, так и с учётом международной ситуации, оставляли центральным властям Российской империи возможность принять окончательное решение о судьбе края, создавая условия и для его сохранения в составе России, и для возвращения Китаю, и для «промежуточного варианта» — разделения спорной территории между двумя империями, который, в конечном счёте, и был принят.

Литература

1. *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.
2. *Анисимова И.В.* Социально-экономическое положение казахов Илийского округа в 80-х гг. XIX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 27–28 марта 2008 г. Барнаул, 2008.

3. *Атантаева Б.Ж.* Переселение уйгуров и дунган на территорию Казахстана во второй половине XIX в.: причины и последствия // *Отан тарихы.* 2007. № 2.
4. *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // *Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения.* М., 1986.
5. *Васильев В.П.* Две китайские записки о падении Кульджи и занятии её русскими войсками // *Русский вестник.* № 99. 1872.
6. *Веселовский Н.* Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. СПб., 1898.
7. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Миллютина. 1868 — начало 1873 / Под ред. *Л.Г. Захаровой.* М., 2006.
8. [Воспоминания Д.А. Миллютина:] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Миллютина. 1879–1881 / Под ред. *Л.Г. Захаровой;* 2-е изд., доп. и испр. 1879–1881. М., 2010.
9. Воспоминания имейского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–71 гг. в Илийском крае / Пер. *А. Дьякова* // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.* Т. XVIII. СПб., 1908.
10. *Горшенина С.* Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio.* 2014. № 2.
11. *Исиев Д.А.* Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877). М., 1981.
12. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.
13. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960.
14. *Моисеев В.А.* К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // *Востоковедные исследования на Алтае.* Вып. II. Барнаул, 2000.
15. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
16. *Нарышкин А.К.* «Если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой». Записка посланника России в Китае Е.К. Бюцова. 1878 г. // *Исторический архив.* № 4. 1999.
17. *Пантусов Н.Н.* Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 годы. Казань, 1881.
18. *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронтирная модернизация // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 96. 2011. № 4.
19. *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация в контексте российской цивилизации / *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу.* Екатеринбург, 2011.
20. Проект всеподданнейшего отчёта генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885.

21. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958.
22. *Селицкий И.* Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XX. Вып. 6. Казань, 1904.
23. *Сутеева К.А.* Политика России в Илийском крае в 1871–1881 гг. Автореф. ... кандидата исторических наук. Алма-Ата, 1987.
24. *Тарих-и Каишгар.* Анонимная тюркская хроника владетелей Восточного Туркестана по конец XVII века / Изд. текста, введ. и указ. *О.Ф. Акимушкина.* СПб., 2001.
25. *Тумайкина В.В.* К вопросу о роли Г.А. Колпаковского в социально-экономическом освоении Илийского края в составе Туркестанского генерал-губернаторства (1871–1881 гг.) // Вестник алтайской науки. 2009. № 3.
26. *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М., Л., 1966.
27. *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М., 1979.
28. *Шах-Махмуд Чурас.* Хроника / Пер., коммент. и указ. *О.Ф. Акимушкина.* М., 1976.
29. *Elliott M.C.* The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, 2001.
30. *Hsü I.C.Y.* The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881. Oxford, 1965.
31. *Kim Hodong.* Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, 2004.
32. *Matsuzato K.* Intra-bureaucratic debate on the institution of Russian governors-general in the mid-nineteenth century // Asiatic Russia: Imperial power in regional and international contexts / Ed. by *T. Uyama.* New York, 2012.
33. *Noda J.* Reconsidering the Ili Crisis — The Ili Region under Russian Rule (1871–1881) // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future / Ed. by *M. Watanabe* and *J. Kubota.* Kyoto, 2010.

R.Yu. Pochekaev*

**Specific features of the Ili Region
administrative development in 1871–1881:
Between traditions and frontier modernization**

ABSTRACT: The paper deals with the administrative transformation in Ili Region (Kuldja) while under power of the Russian Empire. Author analyses this transformation within the context of the Russian legal policy in Central Asia and comes to the conclusion that administrative development of the region was similar to general tendencies in development of the Russian “national borders”: step-by-step integration into imperial

political and legal space (process of frontier modernization) without striking collision with regional traditions of self-government and the principles of government previously used there by Qing.

KEYWORDS: Russian Empire, Qing, Kuldja, Ili Crisis, Turkestan, Xingjian, frontier modernization, traditional law.

* Pochekaev Roman Yulianovich, Ph.D. (Jurisprudence), Chair of Theory and History of Law and State of the National Research University — Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; E-mail: ropot@mail.ru